

Р Е Ц Е Н З И Я

доцента доктора Румяны Парашкевой

на диссертацию **Ребекки Джильи** на тему:

„Память и культурная идентичность в мемуарной прозе кн. И. М. Долгорукова“

на соискание образовательной и ученой степени „доктор“

в профессиональном направлении 2. 1. Филология,

научная специальность „Русская литература (Русская литература XVIII века)“

Ребекка Джильи является докторантом очной формы обучения при кафедре русской литературы факультета славянских филологий Софийского университета им. Св. Климента Охридского в профессиональном направлении 2.1. Филология по докторской программе „Русская литература – Русская литература XVIII века“. Ее научный руководитель профессор доктор Ангелина Иванова Вачева. Диссертационный труд представлен в установленный законом срок и рекомендован к публичной защите после обсуждения на заседании кафедры в расширенном составе 27 февраля 2024 года. Ребекка Джильи успешно прошла специализацию по русской литературе в Софийском университете (2019–2020) после получения степени бакалавра по иностранным языкам и литературам (2016) в Университете Пизы (Италия) и степени магистра по евро-американским литературам и филологиям (2018) в том же университете.

Представленный для публичной защиты текст состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и списка использованной литературы в общем объеме 291 страницы, из них 12 составляет библиография.

Тема диссертации относится к сравнительно молодой области гуманитарных исследований – „memory studies“, и к проблематике, интерес к которой в последние десятилетия стремительно растет. Факторы и механизмы формирования памяти (коллективной и индивидуальной), ее пластичность, селективность, иллюзерная объективность, временные трансформации и разнообразные репрезентации – это лишь

некоторые точки отсчета, обозначающие поле современных исследований памяти. На этом фоне меняется и отношение к эго-текстам, в частности, к мемуарам, воспоминаниям и автобиографиям, которые до последней трети XX века оставались на периферии научного внимания. Сегодня их рассматривают как нарративы о лично пережитом, соединяющие документальность и фикцию, посредством которых субъект письма создает себя и утверждает свое присутствие во времени. В этом контексте интерес вызывает проблема о выражаемой вербализацией памяти культурной идентичности повествователя – мемуариста и/или автобиографа, на которой сфокусированна и диссертация Ребекки Джильи. Актуальность темы исследования уплотняется выбором его объекта – мемуаристика князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823), точнее – его автобиография „Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...“ (1788–1823), чей полный текст был сравнительно недавно опубликован (2004–2005) и до сих пор слабо представлен в исторических, литературно-критических и культурологических дискурсах.

Диссертация имеет хорошо продуманную и сбалансированную структуру, согласованную с целью исследования и с конкретными задачами, решение которых необходимо для ее реализации.

Введение (с. 5–31) очерчивает культурно-исторический контекст и мотивационную рамку диссертационного труда, определяет его объект, предмет, цель и задачи. Оно знакомит с И. М. Долгоруковым и его творчеством, ставя акцент на созданную им мемуарную прозу и на неудовлетворительную степень ее изученности. Обзор публикаций по мемуаристике И. М. Долгорукова корректен и убедительно мотивирует актуальность и научную перспективность выбранной темы. Как было указано, объект диссертационного исследования ограничен до автобиографии писателя. Эта редукция вполне приемлема и хорошо обоснована, поскольку объемная „Повесть...“ (свыше 1100 страниц) является наиболее значимым эго-текстом И. М. Долгорукова, который своим подробным описанием и объяснением его жизненной истории максимально релевантен для решения обозначенной в теме научной проблемы. Кстати, остальные эго-тексты писателя (мемуарный календарь „Капище моего сердца“ и его путевые очерки) не игнорированы полностью – в них докторант не раз ищет и находит контекстуальные опоры для своей аргументации. Цель диссертации соответствует ее теме – „анализ и интерпретация взаимосвязи памяти и

культурной самоидентификации повествующего субъекта в автобиографии И. М. Долгорукова с учетом особенностей его мемуарной прозы в контексте русской мемуаристики и дворянской культуры конца XVIII – начала XIX века“ (с. 28). В соответствии с поставленной целью описаны задачи исследования, использованные в нем научные методы и оговаривается его интердисциплинарный характер.

Первая глава „Память, культура и мемуаристика: научные парадигмы“ (с. 32–54) закладывает теоретико-методологический фундамент диссертации. Ее *первый раздел* осуществляет обзор ключевых для изучения памяти научных тез (М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана, Д. Лоуэнталя, М. Фуко, К. Гирца и др.), касающихся триады „память – культура – идентичность“, реферируя их корректно и с пониманием. Представлены дискуссии между Р. Брубейкером, Ф. Купером, П. Хасснером и С. Холлом о смысле понятия „культурная идентичность“ и пользе его применения. Воспринята идея о разнообразной и динамической природе культурной идентичности, которая является „феноменом и результатом переработки памяти и культурных кодов“ (с. 38). В этой связи отмечен вклад ученых-семиотиков и в первую очередь Ю. М. Лотмана в реконструкции культурной идентичности дворянства XVIII – начала XIX века, введены разные точки зрения на специфику этого сословия, и обоснована значимость его культурного наследия для изучения данного периода русской истории. *Второй раздел* главы прослеживает развитие теоретических представлений об автобиографической прозе, определяющих сложное и неоднозначное восприятие этого типа „личного письма“ (работы Ж. Гюсдорфа, Ф. Лежена, П. Рикера, Ж. Пуле, Р. Паскала и др.). Они сгруппированы вокруг несколько проблемных ядер, относимых к предпринятой исследовательской инициативе: интенция пишущего „я“, которая фиксирована в автобиографическом пакте; проблематичность искренности и достоверности „письма о себе“; отношения в триаде „автор – повествователь – протагонист“; подвижность границы между документальностью и фикциональностью и гендерные особенности. Конец этой части обозревает русскую критическую традицию в исследованиях мемуарной и автобиографической литературы. Заключение главы выводит из представленного теоретического обзора взаимную связанность культуры, памяти и идентичности в пространстве автобиографического текста и резюмирует основные характеристики личного жизнеописания, сквозь призму которых будет восприниматься и „Повесть...“ И. М. Долгорукова.

Вторая глава „Типология русской мужской автобиографии XVIII – начала XIX века“ (с. 55–77) успешно решает две из поставленных в начале диссертации задач – вписать текст И. М. Долгорукова в современную ему русскую автобиографическую прозу (с учетом ее внутрижанрового расслоения) и выявить его поэтологические особенности. В *первом разделе* главы компетентно очерчены возникновение и развитие мужской мемуаристики в России и введено хронологическое разграничение автобиографических нарративов, которое продемонстрировано сопоставительным анализом автобиографий Г. Р. Державина („гражданская“ парадигма) и А. Т. Болотова („семейно-домашняя“ парадигма). Ребекка Джильи применяет продуктивный подход к этим слабо исследованным текстам, основанный на критериях, соответствующих их жанровой специфике – тематические доминанты, нарративные стратегии, беллетризация и рецептивные конвенции. *Второй раздел* главы, опираясь на предыдущий, анализирует поэтику и прагматику „Повести...“ И. М. Долгорукова и находит в ней оригинальное сочетание двух описанных моделей, а также и привязанность к дидактике откровенности в „Исповеди“ Ж.-Ж. Руссо. Репрезентация текста, выбранного для исследования, не является самоцелью, а выделяет в нем те специфические черты, которые определяют автоконцепцию И. М. Долгорукова – предназначение „Повести...“ для „домашнего“ чтения, ожидаемый эффект от которого – морализаторская педагогика и сохранение родово-семейной памяти; „мифологизация“ фамильного нарратива; литературные рефлексии и диалогическая ориентация. В целом, эта глава диссертации существенно обогащает научное представление о генезисе и исторической динамике жанра автобиографии в России XVIII – начала XIX века и в частности – о своеобразии долгоруковского текста.

Следующие три главы составляют основную часть диссертации, в которой исследуется многогранная культурная идентичность пишущего „я“ в автобиографии И. М. Долгорукова. Обособление глав исходит из введенного Ю. М. Лотманом разграничения повседневных практик дворянства, а именно – сфера личных отношений, центром которой является институт семьи; сфера служебной деятельности и сфера светских контактов и культурного общения. Такое деление исследования уместно и необходимо для того, чтобы аналитично одолеть объемный и сложный текст И. М. Долгорукова, подчинив его определенной познавательной модели. Оно имплицитно актуальное восприятие

культурной идентичности как результата разного типа взаимодействий личности с миром, в охвате которых валидны и разные ценностные ориентации, нормы и поведенческие роли.

Третья глава „Автобиографическое „Я“ и эмоциональный нарратив в «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни» кн. И. М. Долгорукова“ (с. 78–132) находит методологическую опору в новом направлении гуманитаристики, которое воспринимает и исследует эмоции как исторически и культурно обусловленные объекты. В этой части диссертации отстаивается тезис, что под влиянием сентиментализма и зарождающегося романтизма Долгоруков придает особую ценность своему приватному миру и своей эмоциональной связи с населяющими его личностями.

Самоопределение повествователя в категориях сентименталистской чувствительности представлено подробными анализами его отношения к предкам, родителям, супругам и детям (им посвящены *отдельные разделы* в главе). Таким образом, выделяются разные аспекты его личного пространства и опыта и соответствующие им жизненные роли („потомка“, „сына“, „супруга“ и „отца“) с характерными для них модусами самовыражения и самооценки. В своей интерпретации Ребекка Джильи учитывает воздействие не только литературных матриц на „чувствительное“ мировосприятие автобиографа, но и христианского этического комплекса, сословно-патриархального менталитета, гендерных стереотипов и новой тогда просветительской педагогики. Иначе говоря, идентификация „я“ в данном случае мыслится как пересечение разных ценностных кодов в структуре личности, что придает ей индивидуальную плотность. Следует отметить, что репрезентация пишущего в эмоциональном режиме современной ему культуры правомерно ставится в зависимость от морализаторской интенции „Повести...“, даже когда эта связь кажется слабо различимой – например, в части о внебрачных увлечениях И. М. Долгорукова. В ней чутко схвачена „романизация“ нарратива, призванная ретушировать компрометирующие князя факты его интимной жизни, придав им литературно-куртуазную стилизацию. Таким образом сохраняется читательское доверие к искренности повествователя без серьезного ущерба для его моральной репутации. По моему мнению, аргументация в этой главе приобрела бы дополнительную убедительность, если б анализу „сентиментализации“ долгоруковского дискурса было уделено большее внимание.

Четвертая глава „Служба и формирование автобиографического мифа. Дворянская этика долга и самоидеализация кн. И. М. Долгорукова“ (с. 133–195) реконструирует созданный повествователем автообраз служащего дворянина. Он, считает Ребекка Джильи, определяется сословно-родовой самоидентификацией Долгорукова как потомственного русского аристократа, для которого бескорыстная служба государю и отечеству – моральный долг и возможность восстановить былой престиж рода Долгоруковых. В этой главе выстраивание „мифа о себе“ рассматривается сквозь распознаваемый в автобиографии культурный сценарий об „утраченных иллюзиях“ из-за потери И. М. Долгоруковым императорской благосклонности после смерти Екатерины II, его столкновения с моральным упадком русского чиновничества и принудительной отставки после скандала, бросившего тень на его публичный образ.

В долгоруковском нарративе о службе Ребека Джили различает и анализирует две основные дискурсивные стратегии, цель которых – оправдать мемуариста пред потомством и восстановить его доброе имя в публичном пространстве. Первая, имея своим ориентиром моральный кодекс дворянства и идеологию классицизма, развертывает самоидеализацию повествователя как государственного служителя. Вторая, усиливавшая воздействие первой, сводится к всесторонней критике имперской административно-бюрократической системы, исходя из проповедуемых Екатериной II гражданских добродетелей. Докторант доказывает, что И. М. Долгоруков строит свой позитивный образ в сфере служебных отношений, применяя разнообразные риторические приемы – чередование иронических сегментов и аналитических рассуждений, ссылки на документы, письма и др. Среди них выделена т. наз. в риторике „этическая аргументация“ – мемуарист демонстрирует свои нравственные качества поступками по службе, направленными против массовых злоупотреблений и правонарушений, а также и против аморализма, лицемерия и коварства его антагонистов, к которым относит и двух императоров – Павла I и Александра I. Преодолевая схематизм интерпретации, Ребекка Джильи обращает внимание на двойственную позицию автобиографа, совмещающую стереотипы сословного мышления с критическим настроением образованного дворянина конца XVIII века, культ государственной службы и чина с его скептической переоценкой, заботу об „общем благе“ с личной обидой честолюбивого, но недооцененного администратора. Такие колебания автообраза, по-моему, сигнализируют о противоречии между старой идентификационной нормой и требованиями новой, которое,

однако, не привлекло внимание докторанта. Эта глава диссертации отличается скрупулезной восстановкой социокультурного контекста в России второй половины XVIII века и целенаправленным применением накопленных знаний для анализа конкретной исследовательской проблемы.

Пятая глава „Кн. И. М. Долгоруков и дворянская общественная жизнь XVIII – начала XIX века“ (с. 196–272) достраивает культурную идентичность автобиографа, опираясь на его соотнесения с альтернативными службе аспектами дворянского бытия. Во *втором разделе* исследуется отношение мемуариста к эмблематичным для культурной ментальности того времени топосам Москвы, Петербурга и провинции, к городскому дому и родовой усадьбе, с которой связан и неоднозначный автообраз Долгорукова как консервативного, хотя и „просвещенного“ помещика. В *следующем разделе* проанализировано долгоруковское восприятие природы с учетом его динамики и влияния культурных кодов сентиментализма и раннего романтизма. Впервые представлены и аналитично прокомментированы взгляды И. М. Долгорукова на медицину (*четвертый раздел*) и его антиклерикальная позиция в контексте присущих ему религиозных воззрений (*пятый раздел*). Считаю особенно интересным и значимым *шестой раздел* главы, в котором Ребекка Джильи интерпретирует сугубо индивидуальное восприятие мемуаристом метанарративов имперской власти и прежде всего националистической пропаганды во время войны 1812 года. *Последний раздел* этой главы моделирует образ И. М. Долгорукова как страстного поклонника культурных развлечений – театромана и актера-любителя, эрудированного читателя и критичного к себе писателя. В этой части работы намечено немало перспективных исследовательских идей, которые Ребекка Джильи могла бы развить в будущем – воздействие театрального опыта И. М. Долгорукова на его „личное письмо“, формирование самобытного литературного вкуса писателя, его творческие колебания между полюсами литературного „староверства“ и сентименталистского мировоззрения и др. Несмотря на заметную эклектичность этой главы, считаю, что она чувствительно уплотняет научное представление о многосоставной (родовой, региональной, национальной, конфессиональной, творческой и др.) идентичности повествователя в жизнеописании И. М. Долгорукова.

Заключение диссертации (с. 273–277) подводит итоги исследования, суммируя выводы по главам. Рекомендую при эвентуальном издании диссертации расширить заключение более подробным описанием научных результатов работы и указанием на ее возможные дополнения и концептуальные продолжения.

По ходу чтения диссертационного труда у меня возникли и некоторые вопросы к автору.

В теоретической главе не упомянуты болгарские исследования, относимые в той или иной степени к теме диссертации¹. Если докторант знакома с такими публикациями, то каково ее отношение к ним?

В диссертации несколько раз комментируется произошедшее со временем изменение во взглядах и самоопределении автобиографа. Вопреки тому, у меня сложилось впечатление, что в трактовке его культурной идентичности доминирует представление об ее устойчивости. В этой связи меня интересует, как Ребекка Джильи расценивает соотношение между константностью и изменчивостью в автообразе И. М. Долгорукова.

Мой последний вопрос относится к „летописной“ форме „Повести...“. Сообразно русской культурной традиции второй половины XVIII века выбранная модель летописно-хронологического повествования вместе с заглавным определением „повесть“ имплицитно подразумевает историко-мемуарный характер текста. Насколько эта пресуппозиция реализуется в автобиографии и является ли роль хрониста и комментатора „эпохи трех царствований“ тоже одной из составляющих культурной идентичности повествователя?

Представленный к защите диссертационный труд Ребекки Джильи соответствует всем требованиям закона и академическим стандартам. Он посвящен актуальной и неразработанной в современной русистике проблеме, анализ и интерпретация которой осуществлены компетентно и с впечатляющим исследовательским усердием. Научный вклад диссертации выражается и в том, что она реабилитирует присутствие „забытого“ И.

---

¹ Например, сборники „Памет, идентичност, съзнание“ (2006), „Езици на паметта в литературния текст“ (2013), „Култура – памет – идентичност“ (2015), книга Ивайло Дичева „От принадлежност към идентичност. Политики на образа“ (2002) и монография Паулины Стойчевой „Автобиографията, мемоарите и други жанрове“ (2018), публикации Богдана Богданова, Цветана Ракевского, Страшимира Цанова, Бориса Ангелова и др.

М. Долгорукова в русском культурном пространстве конца XVIII – начала XIX века и демонстрирует потенциал его творчества как объекта гуманитарных исследований.

Автореферат подробно и корректно отражает концепцию, структуру, содержание и основные результаты диссертации. Публикации докторанта по теме научного труда (7 статей) являются оригинальными авторскими текстами на трех языках (болгарском, русском и английском), вышедшими в авторитетных специализированных изданиях.

В заключение, даю полностью положительную оценку представленному диссертационному труду и предлагаю присвоить Ребекке Джильи образовательную и ученую степень „доктор“ в профессиональном направлении 2. 1. Филология, научная специальность „Русская литература (Русская литература XVIII века)“.

Рецензент:

05.06.2024 г.

доц. д-р Румяна Парашкевова